

Напольских В. В. (Ижевск)

Удмуртские этимологии.

1. Тюркизмы с разными истоками.

1. 1. Алангасар.

Удм. *alangasar* ‘мифический великан’¹ встречается, кажется, только у Г. Н. Потанина в легенде о происхождении людей и средневековых городищ, записанной в с. Верхний Утчан совр. Алнашского р-на Удмуртии [Потанин 1884: 191-192] (и в словаре Б. Мункачи это слово дано со ссылкой только на Г. Н. Потанина [Munkácsi 1896: 23]). Даже по данным Г. Н. Потанина жители других деревень бассейна р. Варзи, видимо, не знали этого слова, называя мифических создателей средневековых городищ *nugoj* (← тюрк. *noğaj* ‘ногайцы’) или *kurok* (букв. ‘разбойник’ ← булг.: чув. *χoraχ* ‘тж’ [Wichmann 1903: 84] или из тат. *qaraq* ‘тж’), а в записанной в 1936 г. в Верхнем Утчане аналогичной легенде гиганты-строители городища Карйыл гурезь [Ватка но Калмез: 17-18] названы уже *asaba* (← тат. *asaba* ‘владелец наследства; старейший и самый уважаемый в роду, в деревне’ ← араб. *عصبي* [*ʕaṣabi*] ‘родственник по мужской линии’ [Алатырев 1988: 124]). Эти обстоятельства заставляют видеть в *alangasar* ‘мифический великан’ типичный *haraq*, обязанный, вполне вероятно, какой-то случайности, а не сколько-нибудь широко распространённое слово удмуртского языка.

С другой стороны, в словаре Ю. Вихманна зафиксировано удм. (малм.-урж.) *alangasar* ‘ленивый, глупый, невнимательный’ [Wichmann 1987: 5], которое является заимствованием из кыпчакских языков: башк. *älängäsär* ‘невнимательный, суетливый’, ст.-тат. *alañğasar* ‘нерешительный’ и др. [Ахметьянов 1981: 15]. Это тюркское слово было предложено рассматривать как композит из тюрк. (кыпчак.) **alaj* ‘удивлённый, сомневающийся’ и **äsär* ‘тупой, ленивый’ [Напольских 1997: 116-117].

Р. Г. Ахметьянов приводит в связи с данным словом и личные имена легендарных героев и правителей: ст.-тат. *Alanğasar-alif* ‘халиф Алангасар’, тат. *Alañğasar Alman-bi* ‘князь Алангасар Алман – сборщик налогов’, казах. *Alanğasar-alpar* ‘богатырь Алангасар’, караим. *Alañğasar* ‘имя сказочного храбреца’ [Ахметьянов 1981: 15]. Большинство приводимых у Р. Г. Ахметьянова имён, видимо, происходят из эпических текстов, так, *Alañğasar Alman-bi* – персонаж татарской версии эпоса об Идиге, несколько раз упоминаемый там в ряду других беев Тохтамыш-хана [ИД, VIII-XI]. По всей вероятности, такое имя носил реальный исторический персонаж, поскольку он присутствует и в других версиях этого эпоса, например, в недавно изданной каракалпакской версии эпоса об Эдиге о главном бее Тохтамыш-хана говорится: *bahadyr sajuby yuryjy | Alañğasar Bajnazar | batyr edi yällayar* ‘богатырь-воевода | Алангасар Байназар, | героем был он, мошенник’; именно Алангасару Байназару поручает Тохтамыш убить Эдиге, но тот отказывается, говоря, что Эдиге достиг возраста джигита, четырнадцати лет, и убить его он, Байназар, уже не сможет [Edige: 179, 189, 284, 296]. Таким образом, можно говорить о существовании у кыпчаков по крайней мере с конца XIV в. личного имени или прозвища *Алангасар*.

Примерно тем же временем датируется и первая фиксация предания о великане-*алангасаре* в кыпчакской среде. В записках проведшего более 30 лет в конце XIV – начале XV вв. в плену и на службе в Золотой Орде немецкого рыцаря Иоганна Шильтбергера сообщается: “был когда-то великан, который на языке язычников (обычное обозначение мусульман у Шильтбергера, в данном случае – специально золотоордынских тюрков-кыпчаков) звался Алангасар (*Allankassar*), и это был очень высокий и большой человек. Он жил в египетском городе Миср, который христианами называется Каир и является столицей короля Султана. Как-то раз этот великан в один день принёс для каждой из двенадцати тысяч

¹ Здесь развивается и дополняется этимология, предложенная ранее в [Напольских 1997].

хлебных печей города по вязанке дров, так что их хватило для того, чтоб протопить все эти двенадцать тысяч печей. И каждый пекарь дал ему от своей печи по хлебу в награду – и он, таким образом, съел в один день двенадцать тысяч хлебов. Берцовая кость того самого великана лежит в Аравии между двумя горами, над глубоким скалистым ущельем. В том ущелье течёт река, но так глубоко, что её не видно, а только слышен шум воды. И в этом вот ущелье положена берцовая кость великана в качестве моста. Всякий путешествующий там, верхом или пешком, проходит по этой кости” [Schiltberger 2000: 120]. Египетская локализация предания однозначно свидетельствует о его кыпчакском происхождении: в этот период в Египте правили мамлюки (Мамлюкский Каирский Султанат), большая часть которых происходила из золотоордынских кыпчаков.

Таким образом, удм. *alangasar* ‘мифический великан’ является, видимо, очень локальным поздним южноудмуртским заимствованием из татарского языка. Данное слово, по всей вероятности, возникло в языке золотоордынских кыпчаков как композит из **alaj* ‘удивлённый, сомневающийся’ и **äsär* ‘тупой, ленивый’ не позднее конца XIV в., во-первых, для обозначения мифического глуповатого великана, во-вторых – в качестве прозвища или имени (возможно, типичное имя-оберег, даваемое ребёнку для того, чтобы на него не позарились злые силы). Следовательно предположение Г. Н. Потанина [Потанин 1884: 192], воспроизведённое Ю. Вихманном [Wichmann 1987: 5] и известное в работах некоторых современных авторов, о том, что в этом слове отражены этнонимы *алан* и *хазар* и имевший в прошлом контакт предков удмуртов с этими народами, не имеет никаких оснований.

1.2. Албасты.

Удм. *albasti* – название злого длинноволосого духа, живущего на периферии освоенного человеком пространства, портящего скот, душащего во сне людей, похищающего младенцев ← тат. *albastâ* ‘тж’ [Csúcs 1990: 100-101]. Татарское происхождение удмуртского слова не вызывает сомнений, интерес представляет установление его конечного источника. Прежде всего следует иметь в виду, что рассматриваемый термин имеет очень широкое распространение (нижеследующая сводка составлена по [Dörfer TME II: 109-111; VEWT: 14; Стеблин-Каменский 80-81]).

Это слово в значении, близком к удмуртскому, широко представлено в тюркских языках, где имеет в основном форму *albasty*, отклоняющиеся от неё: карач. *almasty*, карак. *albasly*, туркм. *ālbassy*, чув. *alpas*, *alpasta* (← тат. [Федотов I: 35-36]), ново-уйг. *al-baskan* ‘ночной дух’ (явное переосмысление имени в духе народной этимологии). Не совсем ясно, следует ли сюда относить якут. *abāsy* ‘зло, злые духи’ (→ эвенк. *abasī*, эвен. *abahī*). Якут. *albas* ‘волшебство, чары’, телеут. *almys* ‘злые духи’, сойот. *albys* ‘тж’ являются, по-видимому, заимствованиями из мо. *almas* ‘ведьма, чёрт’, едва ли имеющего отношение к тюрк. *albasty*; с другой стороны, мо. *albin* ‘ночной демон женского пола’ семантически сходно с *albasty*, а *-in* может рассматриваться как монгольский суффикс. Из тюркского (татарского ?) заимствовано рус. *албаста*, *лобаста* ‘водяной или домашний дух в виде длинноволосой женщины’, из татарского или чувашского – мар. *alβasta*, при этом мар. (Г) *laβasta* скорее происходит от рус. *лобаста*.

С тюркскими словами совпадают и обычно рассматриваются как тюркизмы перс. البستی [*albasti*] ‘страшный призрак, ведьма, колдунья’, тадж. *albasti* ‘тж’. Сложнее со словами памирских языков: сангл., шугн., вахан., ишкаш. *almasti*, *almaste*, руш., хуф. *alamasti* – название злого демона в виде уродливой длинноволосой женщины с огненными глазами и отвислыми грудями, опасной для рожениц и младенцев, живущей в воде, появляющейся в виде змеи, боящейся огня, собак, коз, лошадей (см. подборку рассказов об *алмасты* [СЛГТ: 199-200]). Во-первых, если рассматривать их как заимствования из тюркского через таджикский, то не очень понятно *m* вместо тюрк. и тадж. *b* (такая замена в принципе возможна, но непонятно полное господство форм с *m*); оригинальны формы с *ala-*, для возникновения которых специальных оснований в памирских языках как будто нет. Во-вторых, не очень

ясны культурно-исторические причины столь широкого распространения и развития тюркского демонического персонажа в памирских языках (отметим ещё интересную связь образа со змеей – см. ниже). Наконец, особый интерес представляют данные дардских языков: кховар *halmasti* – название демона, особо опасного для новорожденных и непогребённых покойников; жадная небесная собака красного цвета с длинными ногами [Йеттмар 1986: 460-461] – здесь значение слова сильно отлично от тюркского, и причины распространения термина ещё более непонятны (особого внимания заслуживает связь с собакой и красным цветом – см. ниже).

Предлагались различные этимологии этого слова. Приводимая в [VEWT: 14], а вслед за М. Рясняном – и во многих других работах [Алатырев 1988: 78; Csúcs 1990: 101] этимология от тюрк. **al basty* букв. ‘красный (злой дух) задавил’ представляет собой типичную народную этимологию. Вызывает определённые сомнения сама возможность субстантивации такого словосочетания (существуют такие конструкции в личных именах, но в демонологии –?). Кроме того, из приведённого выше материала ясно, что в тюркских языках данное слово подвергалось разнообразным попыткам переосмысления, что едва ли возможно в случае со столь прозрачной этимологией. Интересна поправка к этой этимологии, выводящая первый компонент слова из иран. **āl(a)* ‘красный (дух болезни)’ (перс. آل [*āl*] ‘демон, губящий рожениц и младенцев’; название связано, возможно, с распространённым именованием детских болезней по цвету, типа *краснуха*, *скарлатина* ← итал. *scarlatto* ‘тёмно-красный’ и т. п. – см. этимологию [ЭСИЯ I: 309] – замечу ещё, что в связи с праиндоевропейским происхождением иранского слова тюрк. *al* ‘алый’ в любом случае следует, видимо, рассматривать как иранизм) + тюрк. *basty* [Dörfer II: 111; Стеблин-Каменский 1999: 81]. Ниже мы вернёмся к этой поправке.

Совершенно надумана этимология от тюрк. **alp basty* ‘богатырь задавил’ [Федотов I: 36]: во-первых, такая форма не представлена ни в одном тюркском языке, во-вторых, тюрк. *alp* ‘герой, богатырь, витязь’ едва ли применимо к злему демоническому существу женского пола. Другая вариация на ту же тему – от тюрк. **alp* ‘трудность, испытание, опасность’ и **basty* ‘задавил’ (в связи также с семантикой предполагаемых производных от **alp*: алт. (куу-кижи) *albyr*, телеут. *almur* ‘сходить с ума, беситься’) [Dörfer II: 109] – также ничем не лучше, и представляет собой того же рода этимологию ad hoc. С фонетическими трудностями встречается старое объяснение через форму типа **alamaste* от имени зороастрийского бога *Ahura-Mazda* (цит. по [Dörfer II: 109-110]); кроме того, хотя переход значения ‘(старый, чужой) бог’ > ‘демон’ является обычным, особенности образа *албасты* (женский пол, опасность для детей и рожениц и т. п.) не имеют никакой связи с Ахура Маздой.

Самое же главное обстоятельство состоит в том, что в названных выше версиях исследователями игнорируется древнейшая фиксация интересующего нас персонажа в Междуречье с конца II тыс. до н. э.: аккад. *lamaštu* – имя демона женского пола, вызывающего родовую горячку, мертворождения и смерть и болезни младенцев. *Ламашту* изображали в виде волосатой женщины с львиной головой и ослиными зубами, с длинными когтями и отвислой грудью, которой она кормит собаку и свинью, держащей в руках двуглавых змей (см. рис.) [Keel 1972: 68-72; Фоссе 2001: 85] (см. также комментарии ассиролога на <http://www.gerodot.ru/viewtopic.php?t=12946>). И функции, и иконография аккадской *Ламашту* полностью согласуются с рассмотренными здесь демоническими персонажами тюркских, иранских и др. традиций. Гипотеза о происхождении *Албасты* от *Ламашту* была предложена Г. А. Климовым и Д. И. Эдельман [Климов, Эдельман 1979]. Имя персонажа, естественно, не могло быть заимствовано тюрками непосредственно из аккадского, поэтому превращение *lamaštu* в *almasti* нельзя объяснить тюркской протезой перед анлаутным **l-*. Посредниками между аккадским и тюркскими языками могли быть арамейский и иранские языки. К сожалению, мне не известно, есть ли в арамейской или сирийской демонологии персонаж, носящий такое имя (интересно, однако, что у айсоров

имеются представления о демонах женского пола, опасных для беременных женщин, рожениц и младенцев – *шашиш* и живущих в хлевах *дешибахты* букв. ‘топчущие женщин’ [Ассирийцы: 161-164, 218-219]). Можно предположить, что первоначально имело место развитие *lamaštu* > *alamasti* в иранских языках по народной этимологии в силу ассоциации начала слова с иран. **āl(a)* ‘красный (дух болезни)’ (см. выше – значение ‘демон’ у перс. *āl*, собственно, может быть результатом вычленения этого элемента из *almasti) – откуда и появились формы, фиксируемые в памирских языках. Затем это имя было заимствовано в тюркские языки с обычным тюрк. чередованием *m ~ b*, подверглось в них дальнейшим народно-этимологическим изменениям (прежде всего – в связи с *al bastu*, см. выше) и далее тюркская традиция оказала обратное «выравнивающее» влияние в том числе и на иранские (перс., тадж. *albasti* могут рассматриваться уже как тюркизмы).

Происхождение аккадской *Ламашту* уходит в ещё более глубокую древность: это имя, вероятно, было заимствовано из эламского *lamaššu*. Эламская богиня *Ламассу*, упоминаемая в связи с восстановлением её разрушенной статуи уже в XII в. до н. э., была покровительницей людей, посылающей благодать, которую цари Элама испрашивали в особом ритуале. У аккадцев богиня их врагов-эламитов стала отвратительным демоном, вызывающим родовую горячку и смерть младенцев, и они помнили о его эламском происхождении: ассирийский царь Ашшурбанапал, завоевав эламскую столицу Сузы в 646 г. до н. э. особо жестоко расправился со статуями *Ламассу* [Хинц 1977: 61-62]. Замечательно ещё, что в аккадской традиции существовал и добрый демон *ламассу* [Фоссе 2001: 71-74] – параллельное заимствование из эламского?

1.3. Арафа.

Бес. *arafa juon* ‘праздник *arafa*’ – название первого дня весеннего праздничного цикла *Акаяшка* у бесермян средней и верхней Чепцы. Вечером в этот день процессия жителей с пением специальных песен (*arafa krež*) обходит деревню, стуча дубинками по домам и выкрикивая *arafa med potoz, akajaška med p̄droz!* ‘*арафа* пусть выйдет, *Акаяшка* пусть войдёт!’ [Попова 2004: 88-90]. Слово заимствовано из тат. (*γ*)*äräfä* ‘канун праздника; в особенности – канун Курбан-Байрама’ ← араб. *عرفة* ‘гора *Арафат*’; также – название 9-го дня месяца зу-ль-хиджа, который паломники в Мекку проводят на горе Арафат перед Днём Жертвоприношения [ГТРАС: 85]. Само по себе заимствование в неадаптированном виде мусульманского термина уже представляет интерес в плане понимания происхождения бесермян, формирования их народной религии и роли в этом процессе ислама. Любопытно в этом смысле, что в обряде безусловно немусульманский бесермянский земледельческий праздник *Акаяшка* (название заимствовано из чувашского [Wichmann 1903: 37-38]) поставлен на место Курбан-Байрама, а мусульманская *Арафа* выступает практически в роли нечистой силы, изгоняемой во многочисленных аналогичных бесермянских и удмуртских обходных обрядах типа *Шайтан уллан*.

1.4. Арвак.

Бес. *arvak* – название коллективной обрядовой трапезы женщин и девушек (вошедшие в возраст девушки получали право посещать молодёжные игрища и посиделки только после того, как примут участие в этом обряде), проводимой вечером после общественных молений на третий (последний) день весеннего праздничного цикла *Акаяшка*, характерными особенностями которой были недопущение на неё мужчин и проведение её в полной тишине. Кроме того, у бесермян так назывались и некоторые другие обрядовые трапезы, и выражение *arvak karon* может обозначать в принципе любой коллективный приём пищи, проходящий в тишине и молчании [Попова 2004: 99]. За пределами бесермянского ареала удм. *arvak* означает ‘жадный, алчный, ненасытный’ и является скорее ругательством [УРС: 32]; Т. К. Борисов зафиксировал интересное магическое средство от жадности: нужно сварить суп из обглоданных собакой костей и дать жадному его съесть. такой суп называется *arvak šid* [Борисов 1991: 17]. Удмуртский материал, как видим, весьма плохо согласуется с бесермянским.

Удм. *arvak* и бес. *aryak* заимствованы из тат. *ärwaḥ* ‘духи, души’ ← араб. ارواح [*arwāḥ*] ‘тж’, множ. ч. от روح [*rūḥ*] ‘душа’ [ГТРАС: 741]. Семантика удм. *arvak* ‘жадный, алчный’, по-видимому, связана с представлениями о жадных голодных духах, наилучшим образом отражёнными в удм. (пер.-ю.) *ašarbak* ‘алчный, жадный’ ← тат. *ašarwaq* < *aš ärwaḥ* букв. ‘голодные духи’, рассмотренном в [Csúcs 1990: 111]. В бесермянской традиции следует предполагать совершенно иное направление развитие семантики араб. ارواح [*arwāḥ*], которое обозначает ещё и в особенности души умерших, предков, объект поминальных обрядов – здесь опять перед нами свидетельство особой роли ислама в становлении народной религии бесермян. Характерно, что аналогичные бесермянскому обряды под тем же арабским названием бытуют у народов, либо принявших ислам недавно, либо сохранявших в значительной степени реликты доисламской религии, например – у дардских и др. народов Гиндукуша: у калашей во время зимнего и весеннего праздников духов предков *arua* (← араб. *arwāḥ*) приглашают в селение и предлагают им еду, в этих обрядах большую роль играют женщины; аналогичные духи предков *arwah*, охраняющие семьи потомков и требующие жертвоприношений имеются у буришков и шина [Йеттмар 1986: 236, 381].

1.5. Ашапартна.

Ещё один интересный *haxax*: удм. *Ašapartna* встречается, видимо, только в одном тексте заговора-*пелляськона*, записанном Г. Е. Верещагиным у средне-восточных удмуртов: *emjaško-jumjaško Ašapartnalen kiljinz-burjinz* ‘лечу-излечиваю наговорными словами *Ашапартны*’. Ни сам Г. Е. Верещагин, ни его информанты не могли пояснить это имя [Верещагин 1889: 37]. В чувашской заговорной традиции имеется персонаж *Ašapatman karčäk* ‘старуха *Ажабатман*’, имя которой является механическим сложением искажённых *Айша* и *Фатима* – имён младшей жены (араб. عائشه [*ʿāiṣā*]) и любимой дочери (араб. فاطمه [*fāṭima*]) пророка Мухаммеда [Ашмарин II: 211]. Удмуртский заговорный персонаж, несомненно, имеет то же происхождение. Интерес представляет странная передача имени *Фатима* в удмуртском – через *-rt-*; осмелюсь предположить, что (если это, конечно, не просто ошибка Г. Е. Верещагина) заимствовавшие это слово удмурты слышали имена *Айша* и *Фатима* от знакомого с арабским языком мусульманина, который, возможно, произнося мусульманский заговор, старательно артикулировал сильное араб. *-t-*, и попытались передать особенности этого звука таким нетривиальным (но теоретически мыслимым) способом.

1.6. Бабасыр.

Удм. *babasjr*, (пер.-юж.) *babsjr* ‘вид глистов (власоглав, острица)’ (откуда *babasjr* (*turjn*) название ряда растений, применяемых в народной медицине для лечения желудочно-кишечных заболеваний: ‘белена, *Nyoscyamis niger* L.’; ‘медуница, *Pulmonaria officinalis* L.’; ‘таволга, лабазник; *Filipendula ulmaria* Maxim.’), используется ещё как ругательство и встречается в словарях также в значении ‘злой дух’ [УРС: 36; Csúcs 1990: 116]. Последнее значение впервые представлено в словаре Б. Мункачи, со ссылкой только на материалы Г. Е. Верещагина [Munkácsi 1896: 610], у которого данный мифологический персонаж описывается очень лаконично как дух, который внезапно громко смеётся в лесу [Верещагин 1886: 28]. Слово заимствовано из тат. *babasyr* ‘глисты, боль в животе, расстройство желудка’ ← Arab. بواسير [*bawāsir*] ‘геморрой’, множ. число от باسور [*bāsūr*] ‘опухоль, нарост’ (в [Ахметьянов 1981: 20-21] дано фантастическое значение удмуртского *babasjr*, в [Csúcs 1990: 116] источник татарского слова почему-то определён как “?”). Специфическое значение слова в языках-источниках позволяет предположить, что в удмуртском основное значение – ‘глисты (и вызываемые ими болезни)’, откуда – употребление слова в качестве ругательства (ср. современное рус. *геморрой*, польское *cholera* и т. п.). Значение же ‘злой дух’ является по всей вероятности опять-таки *haxax*’ом и появилось скорее всего в результате недоразумения: испугавшись внезапного шума в лесу человек мог выругаться, а потребовавший у него объяснения значения слова Г. Е. Верещагин решил, что речь идёт об имени некоего духа.

1.7. Бен / бон.

Удм. (сев., сред.) *ben*, (юж.) *bon* ‘да, именно так’ < *bōn. Это загадочное удмуртское междометие, по-видимому, происходит через тюркское посредство с обычным для тюркских языков чередованием *m-* ~ *b-* из мо. *mōn* ~ бурят. *mūn* ‘так, правильно, справедливо’. В тюркских языках Поволжья и Предуралья данный монголизм мне, правда, обнаружить не удалось, он зафиксирован, кажется, только в сойотском: *mūn* ‘справедливо, правильно; указанный, тот самый’ [VEWT: 347].

2. Иранские и арийские заимствования.

2.1. Герд.

Удм. *gerd* ‘узел’ ~ коми *gered* ‘тж’ (*-d* ~ *-ed* может рассматриваться как часть старой основы с допермским этимологом типа *kerentz, переосмысленная как собственно пермский глагольный суффикс) ← вост.-иран. **granθa-* ‘узел’: хот.-сак. *granthä*, согд. *γrʔnš*, ишкаш. *γureḥ* и, возможно, осет. *ælxunc* ‘тж’, далее – перс. گره [*gereh*], др.-инд. *granthi-* ‘узел’ и т. д. [ИЭСОЯ II: 51-52; ОИЯ Сред: 242]. Сопоставление пермских слов с др.-инд. *granthi-* предложено в [Katz 2003: 97-98], однако нет никакой необходимости вслед за Х. Кацем предполагать здесь «доарийское» заимствование: речь очевидно идёт о нормальном среднеиранском заимствовании из какого-то восточноиранского языка технического термина (возможно, связанного с ткачеством – ср. ещё перс. فارسی گره [*gereh-i fārsi*] ‘персидский узел’ – обозначение специального узла «санайе», применяемого при изготовлении ковров).

2.2. Жог.

Удм. *žog* ‘быстрый, скорый’ ~ коми *regjd* ‘тж’ ~ (?) венг. *rég* ‘давний, давно’, *rögtön* ‘скоро, тотчас’ < ПФУ *reŋkz ‘тёплый, горячий’ (?) [UEW: 422]. Реконструкция значения в [UEW], конечно, неверная: удм. *žog* ‘жар (в бане)’ следует, видимо, отделять от данных слов, и уж, во всяком случае, никак невозможно считать именно такое значение основным или первичным. Скорее всего, это слово было заимствовано в пермский и венгерский параллельно из ср.-иран.: осет. *ræxgy* ‘скоро, вскоре’ (< иран. *rayu-* ‘быстрый’ ~ др.-инд. *raghu-* ‘быстрый, скорый’ [ИЭСОЯ II: 388, 393]), *rag* ‘ранний, рано; давно’, *ragon* ‘давний, древний’ (< иран. **frāka-* ‘впереди, завтра, рано, утром’ [ИЭСОЯ II: 340-341]). Впервые сопоставление (вместе с ф. *rikevä* ‘спешно’, манс. *rottj* ‘тут же’) предложено в [Munkásci 1901: 522-523, 531-532] (у А. Йоки и К. Редери по непонятным причинам даже не обсуждается; в [ИЭСОЯ II: 341] вслед за Б. Мункачи венгерские слова выводятся из иранского).

2.3. Зөр.

Удм. *zer* ‘костёр (растение), овсюг’ ~ коми *zer* ‘овёс’, (диал. с прилагательными ‘лошадиный’ / ‘собачий’ / ‘птичий’) ‘овсюг’ ~ (?) морд. *suro* ‘просо’ [UEW: 766] ← ср.-иран.: осет. *zær(æ)* ‘зелень, трава’ (< ПИЕ **ghel-* ‘зелёный’ [ИЭСОЯ IV: 298-299]).

2.4. Мыж.

Удм. *miž* ‘требование божеством обещанной жертвы и болезнь как наказание от божества за непринесение её, нарушение обета’ ~ коми *miž* ‘вина, провинность’, (коми-перм.) ‘болезнь, кара от божества, от предков’ ~ мар. *muž*, (Г) *māž* ‘болезнь’ ~ хант. (Казым) *mōž* ‘болезнь, вина, поломка, ошибка’ и др. ~ манс. (С) *mos* ‘повреждение, поломка, болезнь’ и др. ~ (?) венг. *-máz* в *hagymáz* ‘горячка, тиф’ < ПФУ *mučz ‘болезнь’ [UEW: 283]. В принципе ничто не мешает рассматривать обско-угорские слова как ранние заимствования из пермского, в котором слово сохраняет весьма специфическое религиозное значение. По-видимому, довольно старое заимствование в области религиозно-мифологической терминологии из иранского **mīžda-* ‘плата, награда, вознаграждение’ (> ав. *mīžda-* ‘вознаграждение’, парф. *muždag* ‘добрая весть, известие’, хот.-сак. *māḍāna* ‘милосердный’, осет. *mužd* ‘заработная плата, вознаграждение’, перс. *muzd* ‘плата’ и др. [ИЭСОЯ II: 145-146;

ОИЯ Сред: 164, 246]) с развитием семантики: ‘плата’ > ‘расплата перед божеством’ > ‘болезнь, вред, наносимый божеством’.

2.5. Укыр.

Удм. *ukir* ‘очень, слишком’. Слово, кажется, не имеет параллелей в финно-угорских языках. Арийское (иранское ?) заимствование: скиф. ⁺*agar* ‘многий, чрезмерный, избыток’ ~ осет. *ægar* ‘слишком, чрезмерно, с избытком’ (из осет. → чеч. *uggur*, ингуш. *eggir* ‘самый, слишком’) < ПАр **a-kara* ‘бесконечный’ [ИЭСОЯ I: 119-120].

3. Уральские и более глубокие параллели.

3.1. Возьыны.

Удм. *vožini* ‘держат, поддерживать, содержать’ ~ коми *vižni* ‘держат, хранить, беречь’ ~ эст. *viisa-* ‘поджидать, следить’ ~ венг. *vigyazni* ‘уделять внимание, внимательно относиться, защищать, стеречь’ < ПФУ **wića-* ‘смотреть, глядеть’ [UEW: 571]. Семантика эстонского и венгерского слов сильно отличается от пермских. От пермских слов трудно отделять манс. (С) *õñsi-*, (Лозьва, Пелым, Конда) *äñsi-*, (Тавда) *äñčänt-* ‘иметь; носить, заботиться, содержать’ [Munkácsi, Kálmán 1986: 386] и, возможно, сельк. *uäśä-* ‘подниматься, вставать’ [Alatalo 2004: 38] ~ нган. *oandī- / oansi-* ‘вставать’ < ПСам **āñsā-* [Janhunen 1977: 18] (если допустить значение ‘поднимать’ в ПСам – предположение Е. А. Хелимского). Таким образом, реконструируется ПУ **wäñčz-* ‘держат, поддерживать, поднимать’ (эстонское слово, очевидно, придётся исключить из данного этимологического гнезда).

3.2. Керпотыны.

Удм. *kerpotini* ‘стыдиться, смущаться’ (*potini* ‘выходить’), *kervajini* ‘озаботиться, задуматься’ (*vajini* ‘приносить’; *kervajini* представлено, кажется, только в [Munkácsi 1896: 146]) в [КЭСК: 112] сопоставляется с удм. *keretini* ‘доводить до слёз’ (это значение опять-таки присутствует только в [Munkácsi 1896: 146]), ‘ругаться, (шумно) ссориться’ и с коми *kerni* ‘испортить колдовством, навести порчу’. Думается, здесь можно по семантике выделять два разных слова: удм. *kerpotini* ‘стыдиться, смущаться’, *kervajini* ‘озаботиться, задуматься’, *keretini* ‘доводить до слёз’ < *ker* ‘смущение, стыд, озабоченность, огорчение’ (именная основа), отражённое также в *kereg!* ‘жаль!’ (с нормальным суффиксом *-eg*) [Munkácsi 1896: 146] – с одной стороны, и удм. *keretini* ‘ругаться, (шумно) ссориться’ ~ коми *kerni* ‘испортить колдовством, навести порчу’ < ППерм **ker-* ‘злиться, наносить вред (колдовством, словами)’ (глагольная основа) – с другой.

Удм. *ker* ‘смущение, стыд, озабоченность, огорчение’ едва ли можно выводить из болгарского: чув. *χəra* ‘бояться, страшиться’ (< тю. **qorq* ‘бояться’) по вокализму. Однако, к нему имеется безупречная в фонетическом и семантическом отношении параллель, хотя и довольно отдалённая: ПСам **kerz-* ‘стыдиться’ (> нен. *šare-*, камас. *šēr-* и др. [Janhunen 1977: 68]), и таким образом появляется возможность реконструировать ПУ **kerz-* ‘стыд; стыдиться’.

ППерм **ker-* ‘злиться, наносить вред (колдовством, словами)’ можно сопоставлять с ф. (и др. приб.-ф.) *kiroa* ‘бранить, проклинать’, саам (Норв.) *gârro* ‘проклятие’, которое в финской этимологической традиции [SSA I: 371] сравнивают с некоторыми из корней, представленных в гнезде: морд. *kor* ‘скорбь, досада, злость’, манс. (Конда) *χor-* ‘спорить, браниться, проклинать’, хант. (Обд.) *χorəm* ‘злиться, озлобляться’, венг. *harag* ‘гнев, злоба’ < ПФУ **kurz* ‘гнев, гневаться’ [UEW: 220]). ППерм и приб.-ф.-саам. слова отличаются от рефлексов ПФУ **kurz* ‘гнев, гневаться’ по вокализму, для пермских можно предположить сдвиг вокализма вследствие контаминации с реконструируемым здесь ПУ **kerz-* ‘стыд; стыдиться’.

3.3. Зор.

Удм. *zor* ‘дождь’ ~ коми *zer* ‘тж’ < ППерм *zer ‘дождь’ [КЭСК: 108]. Слову до сих пор не обнаружено надёжных непермских параллелей (предлагаемое в [КЭСК: 108] сопоставление с нен. *carë* ‘дождь’ абсолютно неприемлемо). Возможно – старое арийское заимствование – ср. др.-инд. *sirī-* ‘ливень’, *sīrā* ‘река, поток’ [Katz 2003: 65], что, однако, вызывает некоторые сомнения фонетического, семантического и исторического порядка. Ср. юкаг. (Т) *erimz* ‘снег’, которое может восходить к ПЮ **θer-* < **ser-* [Николаева 1988а: 259; Николаева 1988б: 83, 86] < ПЮУ *serz ‘дождь, снег’?

3.4. Туно-пелё.

Второй компонент удм. *tuno-pelo* ‘колдун, ворожей’ едва ли обязательно связывать с *pel* ‘ухо’ (*pelo* ‘имеющий уши, слышащий’ – ?) или *pellani* ‘дуть, заговаривать (болезнь)’, скорее его следует сопоставлять с коми *pel* ‘дед, (почтенный) старик’ < ППерм *pōl ‘дед’ ~ мар. *pōlö* ‘мужской род’ (если последнее слово – не фикция) [КЭСК: 228]. Ср. далее юкаг. (К) *pulut*, (Т) *pōlur* ‘старик’ (у И. А. Николаевой по знаку вопроса сопоставляется с ПУ *pälä ‘половина’, что, думается, семантически не оправдано) [Николаева 1988: 276] < ПЮУ *pōlz ‘(почтенный) старик’?

3.5. Ужаны.

Удм. *už* ‘работа, труд’, *užani* ‘работать’ ~ коми *už*, *užavni* ‘тж’ < ППерм *už ‘работа’, **už-al-* ‘работать’, без внешних параллелей. Ср., однако: сельк. *ūčə-* ‘выполнять ручную работу, трудиться, работать’ [Alatalo 2004: 30] < ПУ **učz-* ‘работать, делать’. Далее ср. юкаг. (К) *uši-*, *učil* ‘работник, слуга’ ~ ?? (Т) *ūse-* ‘отвезти, отнести; трогать, касаться; беспокоить’ (материал см.: [Angere 1957: 248; Курилов 2001: 493]). Правда, (Т) *-s-* вряд ли возводимо с доюкагирскому *č, [Николаева 1988б: 83], и оба слова могут быть просто дериватами юкаг. (К) *ū-* / *uj-* ‘делать, изготавливать, работать’ с суффиксом переходных глаголов (К) *-ši-* [Nikolaeva, Mayer].

3.6. Шёдыны.

Удм. *šedjini* ‘чувствовать, догадываться’ (явно связано с *še* ‘чувство, предчувствие’) ~ коми *šod: as šodjen* ‘свободно, без напряжения, не спеша’ ~ мар. *šundaš* ‘отстояться, устояться’ [КЭСК: 320]. Марийское слово едва ли сюда относиться – как по фонетическим, так и по семантическим критериям. В своё время я в связи с этимологией коми *ševa* ‘порча, икота’ предлагал выводить данные удм. слова от ППерм **šó(j)* / **šü(j)* ‘голос, звук, знак, ощущение’ [Напольских 1999], однако, вероятнее следует разделять значения ‘голос, звук’ и ‘чувство, ощущение’ в данном этимоне. Удм. *še*, *šedjini* ‘чувствовать, догадываться’ и коми *šod* в *as šodjen* можно сопоставить с юкаг. (К) *lej-dī-*, (Т) *lej-rī-* ‘знать’. И. А. Николаева сравнивала их с ПФУ **lewä-* ‘находить’ [UEW: 247], имея в виду ПЮ **lej-* [Николаева 1988а: 231], но юкагирские формы позволяют реконструировать и ПЮ **θej-*, что вполне сопоставимо (если предполагать, что ПЮУ *š развивалось в юкагирском так же, как *s – см. [Николаева 1988б: 83-84]) с **šó-* ‘чувство, понятие; чувствовать, догадываться, понимать’ < ПЮУ *č < **šej-* ‘знать, предчувствовать, понимать’?

Список сокращений.

ав. – авестийский, аккад. – аккадский, алт. – алтайский, араб. – арабский, башк. – башкирский, бес. – бесермянское наречие удмуртского языка, булг. – болгарский, бурят. – бурятский, вахан. – ваханский, венг. – венгерский, вост.-иран. – восточноиранский, др.-инд. – древнеиндийский, ингуш. – ингушский, итал. – итальянский, ишкаш. – ишкашимский, казах. – казахский, камас. – камасинский, караим. – караимский, карак. – каракалпакский, карач. – карачаевский, кыпчак. – кыпчакский, малм.-урж. – малмыжско-уржумский (шошминский) диалект удмуртского языка, манс. – мансийский (С – северный, Северная Сосьва), мар. – марийский (Г – горномарийский), мо. – монгольский, морд. – мордовский, нган. – нганасанский, нен. – ненецкий, ново-уйг. – новоуйгурский, осет. – осетинский (иронский по

умолчанию), Пар – праарийский (праиндо-иранский), парф. – парфянский, пер.-ю. – периферийно-южные говоры удмуртского языка, перс. – персидский, ПИЕ – праиндоевропейский, ППерм – прапермский, приб.-ф. – прибалтийско-финский, ПСам – прасамодийский, ПУ – прауральский, ПФУ – прафинно-угорский, ПЮУ – праюкагиру-уральский, рус. – русский, руш. – рушанский, саам. – саамский (Норв. – норвежский саамский), сангл. – сангличский, сельк. – селькупский, скиф. – скифский, согд. – согдийский, сойот. – сойотский, ст.-тат. – старотатарский, тадж. – таджикский, тат. – татарский, телеут. – телеутский, туркм. – туркменский, тю. – (обще)тюркский, удм. – удмуртский, ф. – финский, хант. – хантыйский (Обд. – обдорский диалект), хот.-сак. – хотаносакский, хуф. – хуфский, чеч. – чеченский, чув. – чувашский, шугн. – шугнанский, эвен. – эвенский, эвенк. – эвенкийский, юкаг. – юкагирский (К – колымский, Т – тундровый), якут. – якутский.

Рисунок.

Вавилонское изображение *Ламашту* (фрагмент бронзового амулета кон. VII – первой половины VI вв. до н. э.). *Ламашту* находится в нижнем (водном) мире, в окружении других демонов, держит в руках двухголовых змей, к её грудям присосались собака и свинья, всё её тело покрыто шерстью, голова – львиная, ноги в виде птичьих когтей. Режим доступа: [<http://www.monstropedia.org/index.php?title=Lamashtu>].

Литература.

- Алатырев В. И. 1988. Этимологический словарь удмуртского языка. Буквы А–Б. Ред. В. М. Вахрушев, С. В. Соколов. Ижевск.
- Ассирийцы – Матвеев А. К., Матвеев К. П. История и этнография ассирийцев / Материалы к серии «Народы Советского Союза». Вып. 1. Ассирийцы. Москва, 1990.
- Ахметьянов Р. Г. 1981. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. Москва.
- Ашмарин I–XVII – Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Тома 1–17. Казань – Чебоксары, 1928-1950 (второе, репринтное издание: Чебоксары, 1994-2000).
- Борисов Т. К. 1991. Удмурт кыллюкам. Ижевск.
- Ватка но Калмез – Ватка но Калмез. Удмурт калык легендаос но преданиос. Дасязы Н. П. Кралина, П. К. Поздеев. Ижевск, 1971.
- Верещагин Г. Е. 1886. Вотяки Сосновского края / Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Том 14, вып. 2. СПб.
- Верещагин Г. Е. 1889. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии / Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Том 14, вып. 3. Санкт-Петербург.
- ГТРАС – Мәхмутов М. И., Хәмзин К. З., Сәйфуллин Г. Ш. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге (татар әдәбиятында кулланылган гарәп һәм фарсы сүзләре). Т. 1-2. Казан. ИД – Идегәй дастаны. Режим доступа: [<http://tatarca.boom.ru>]
- ИЭСОЯ I–V – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1-5. Москва – Ленинград, 1958-1995.
- Йеттмар К. 1986. Религии Гиндукуша. Москва.
- Климов Г. А., Эдельман Д. И. 1979. К этимологии *Albasty* / *Almasty* // Советская тюркология, 3. Баку.
- Курилов Г. Н. 2001. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск.
- Напольских В. В. 1997. Из удмуртской мифологии: этимологические этюды // Пермистика 4. Ред. Кельмаков В. К. и др.. Ижевск.
- Напольских В. В. 1999. Этимология коми *шева* // *Linguistica Uralica*. Т. 35, №1. Tallinn.

Николаева И. А. 1988а. Проблема урало-юкагирских генетических связей. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук (рукопись). Москва.

Николаева И. А. 1988б. О соответствиях уральских аффрикат и сибиллянтов в юкагирском языке // Советское финно-угроведение. Т. 24, №2. Таллинн.

ОИЯ Сред – Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. Москва, 1981.

Попова Е. В. 2004. Календарные обряды бесермян. Ижевск.

Потанин Г. Н. 1884. У вотяков Елабужского уезда // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. 3 (1880-1882). Казань.

СЛГТ – Сказки и легенды горных таджиков. Сост., пер., коммент. А. З. Розенфельд, Н. П. Рычкова. Москва, 1990.

Стеблин-Каменский И. М. 1999. Этимологический словарь ваханского языка. Санкт-Петербург.

УРС – Удмуртско-русский словарь. Ред. В. М. Вахрушев. Москва, 1983.

Федотов М. Р. I-II. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1-2. Чебоксары, 1996.

Фоссе Ш. 2001. Ассирийская магия. Систематическое исследование магических текстов. Пер. Санина В. Л., Емельянова В. В. Ред. Емельянов В. В. Санкт-Петербург.

Хинц В. 1977. Государство Элам. Пер. Л. Л. Шохиной. Москва.

ЭСИЯ I- – Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1- . Москва, 2000- .

Alatalo J. 2004. Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Hrsg. von Jarmo Alatalo / Lexica Societatis Fenno-Ugricae, 30. Helsinki.

Angere J. 1957. Jukagirisch-deutsches Wörterbuch. Zusammengestellt auf Grund der Texte von W. Jochelson. Wiesbaden.

Csúcs S. 1990. Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen / Bibliotheca uralica, 10. Budapest.

Dörfer TME I-III – Dörfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Bd. 1-3. Wiesbaden, 1963-1967.

Edige – Edige. A Karakalpak oral epic as performed by Jumabay Bazarov. Ed. and transl. by Karl Reichl / Folklore fellows' communications, 141, No. 293. Helsinki, 2007.

Janhunen J. 1977. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien / Castrenianumin toimitteita, 17. Helsinki.

Katz H. u. a. 2003. Studien zu den älteren indoiranischen Lehnwörter in den uralischen Sprachen. München.

Keel O. 1972. Die Welt der Altorientalischen Bildsymbolik und das Alte Testament. Am Beispiel der Psalmen. Köln, 1972.

Munkácsi B. 1896. A votják nyelv szótára. Budapest.

Munkácsi B. 1901. Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. Budapest.

Munkácsi B., Kálmán B. 1986. Wogulisches Wörterbuch. Budapest.

Nikolaeva I., Mayer Th. Yukaghir-English dictionary. Режим доступа: [<http://ling.uni-konstanz.de/pages/home/nikolaeva/documentation>]

Schiltberger H. J. 2000. Schiltbergers Irrfahrt durch den Orient: der aussehenerregende Bericht einer Reise, die 1394 begann und erst nach über 30 Jahren ein Ende fand. Übertr. und hrsg. von Markus Tremmel. Taufkirchen.

SSA I-III – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. N. 1-3. Toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen ja m. Helsinki, 2001.

VEWT – Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkisprachen / Lexica Societatis Fenno-Ugricae, 17:1. Helsinki, 1969.

Wichmann Y. 1903. Die Tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen / Mémoir de la Société Finno-Ougrienne, 21. Helsinki.

Wichmann Y. 1987. Wotjakischer Wortschatz / Lexica Societatis Fenno-Ugricae, 21. Helsinki, 1987.

Напольских, В. В.

Удмуртские этимологии // Пермистика XII: диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : материалы 12 Междунар. симпозиума (21-22 окт. 2008 г., г. Ижевск) / ГОУВПО "Удмурт. гос. ун-т", Каф. удмурт. яз. и методики его преподавания, Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН ; отв. ред. А. Ф. Шутов ; редкол.: Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова. - Ижевск : Изд-во УдГУ, 2009. - 218-230. - Библиогр.: с. 229-230 (47 назв.).